

В. И. Ламанский

Живая старина

Выпуск 2. Год 4. Издание 1898 года

УДК 304
ББК 60.5
Л21

Л21 **Ламанский В.И.**
Живая старина: Выпуск 2. Год 4. Издание 1898 года / В. И. Ламанский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 180 с.

ISBN 978-5-4241-6596-2

ISBN 978-5-4241-6596-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ II

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.

1894.

Печатано съ разрѣшеніа Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Отчетъ о поѣздкѣ въ Сувалкскую губернію.

По предложенію проф. В. И. Ламанскаго на средства Императорскаго С.-Петербургскаго Университета и отчасти Императорскаго Географическаго Общества я отправился лѣтомъ 1893 г. въ Литву и прожилъ тамъ все вакаціонное время, именно, уѣхавъ изъ С.-Петербурга 5 іюня и вернувшись обратно 15 августа. Въ Литвѣ съ 8 іюня по 15 августа проживалъ въ семьѣ учителя начальной школы Гижевской гмины Волковышскаго уѣзда Сувалкской губ. Отсюда въ разное время мнѣ удалось посѣтить слѣдующіе города и деревни: Ковно (Kaunas), Волковышки (Vilkoviškis), Гиже (Gižai), Руда, Хмариньки (išlandžiai), Шилкальнисъ, Шлегашилисъ, Гурбшеле, Поезеры (Paažeriai), Визайды (Vižiai или Stadalnikai), Ораны (Oranai), Печулишки (—iškiai), Доняишки, Прешвода (Laranka), Ольвита (Alvitas), Кетурвалюки (Keturvalakiai), Пильвишки, Маріамполь (Staropole-Senapolis), Гришкабуда (Griškabudis), Огуркишки (Agurkiškiai или Palierine), Паскальнишки (Pas или Pakalniš Kiai или Leliokai), Акече (Akečiai), Керайлай, Шуля, Сапежишки (Zariškiai). Послѣднія семь названій мѣстностей относятся къ Владиславовскому уѣзду.

Цѣлью моей поѣздки было прежде всего выучиться живому литовскому языку, затѣмъ собрать какіе-либо матерьялы по этнографіи Литвы. Такихъ матерьяловъ мнѣ удалось собрать сравнительно немного. Это, преимущественно, пословицы, поговорки, загадки, нѣсколько сказокъ, остатковъ языческихъ вѣрованій, обычаевъ и 16 мелодій народныхъ пѣсней. Своими наблюденіями (тѣми только, въ точность которыхъ я самъ вѣрю) надъ языкомъ и отчасти вообще надъ народомъ я и намѣренъ подѣлиться въ настоящей статьѣ.

Но прежде чѣмъ къ этому перейти считаю пріятнѣйшимъ долгомъ выразить свою искреннюю благодарность за всѣ указанія и совѣты профессорамъ В. И. Ламанскому, А. И. Соболевскому, Э. А. Вольтеру, а также г. ректору

Императорскаго С.-Петербургскаго Университета П. В. Никитину, г. Вице-Председателю Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, г. Губернатору Сувалкской губ., г. И. И. Билло за содѣйствіе рекомендаціями и всѣмъ литовцамъ, у которыхъ я нашель такой радушный приѣмъ, что Литва мнѣ не казалась чужбиной.

Литовцы посѣщенныхъ мною мѣстностей не отличаются ни слишкомъ высокимъ, ни слишкомъ малымъ ростомъ. Встрѣчалъ я и довольно высокорослыхъ (нѣкоторые—бывшіе гвардейцы), но также и ниже средняго. Ни первые, ни вторые не составляютъ характернаго большинства.

Глаза бываютъ преимущественно свѣтлые, больше всего голубые. Цвѣтъ волосъ ихъ нельзя назвать ни свѣтлымъ, ни темнымъ вообще. Очень много совсѣмъ свѣтловолосыхъ, но темнорусые, повидимому, преобладаютъ. Есть и брюнеты, но совершенныхъ брюнетовъ такъ же мало, какъ и черноглазыхъ. Бороды не носятъ, а болѣе вѣрные старымъ обычаямъ бреютъ и усы. Женщины и дѣвушки носятъ одну и ту же прическу: прямой проборъ, двѣ косы, положенныя красивой пышной коронкой вокругъ головы. Около этой коронки повязываютъ свѣтлую (часто просто бѣлую) ленточку (обыкновенно очень узкую) или что-то вродѣ узкаго галуна (последнее въ праздникъ конечно).

Одежду мужчинъ составляетъ бѣлая ¹⁾ рубаха съ прямымъ неширокимъ отложнымъ воротомъ, обыкновенно довольно длинная, такіе же штаны; сверхъ рубахи цвѣтной кушакъ (непремѣнно) и жилетъ, обыкновенно темный (bruslotas); сверхъ этого сермяга (sermega) изъ грубаго свѣтлосѣраго сукна (milas) домашней работы или кафтанъ (žironas) изъ чернаго сукна или пестраго (или даже одноцвѣтнаго темнаго, почти чернаго) холста (trinišei, т. е. сшитый изъ trinitis или keturnitis). И sermega и žironas, обыкновенно бываетъ длиною до колѣнъ, рѣдко немного ниже колѣнъ. При триничей и штаны часто носятъ также изъ trinitis.

Шапки преобладаютъ съ полями (scribele) поярковыя и соломенные, съ лентами, обыкновенно темными, но нрѣдко цвѣтными (даже стеклярусовую я видѣлъ). Носятъ и фуражки (šlikas). [Носятъ также обыкновенныя скюртуки и брюки, брахмальные воротнички съ галстуками и котелки].

Обыкновенная обувь для каждаго дня—kurpes, klupres (мн. ч.) въ родѣ опорогъ, (кожаный верхъ, придѣланный къ толстой деревянной подошвѣ); šliuges—тѣ же kurpes, только безъ кожанаго задка. Кромѣ того въ Владиславскомъ уѣздѣ я видѣлъ žasialei—деревянные башмаки и kadukai—деревянная подошва, привязываемая къ ногѣ ремешками или веревками. Kadukai употреб-

¹⁾ Красныхъ и вообще цвѣтныхъ не носятъ. Если-бы кто-либо надѣлъ красную рубаху, того-бы стали называть kazokas и смотрѣли бы на него, какъ на чудище.

являютъ въ лѣсахъ. Я видѣлъ въ нихъ мальчика-пастуха. Кромѣ того, по словамъ другихъ, въ тѣхъ же мѣстностяхъ употребляютъ *vižos*—лапти львовые и *pagines*—холщевая обувь (у нищихъ). Самъ я не видѣлъ ни на комъ ни *vižos*, ни *pagines*. Въ праздникъ же большая часть въ высокихъ сапогахъ (*šiabatai*), при чемъ конечно штаны въ сапоги. Женщины носятъ сверхъ рубашки и юбки *kiklikas* или *šniugauka*—безрукавку, короткую въ родѣ корсажа или довольно длинную, въ талию или широкую, съ большимъ вырѣзомъ у шеи или глухую почти до самаго верха, разныхъ цвѣтовъ.

Рубаха—бѣлая съ широкими рукавами, схваченными у кисти, съ отложнымъ, очень мало вырѣзаннымъ, воротомъ. Цвѣтныхъ вышивокъ не видѣлъ ни у одной литовки. Мало замѣтный (бѣлыми нитками) узоръ на воротѣ и плечахъ дырочками и зубцами, и тотъ я видѣлъ лишь у нѣкоторыхъ. Национальный костюмъ сильно вытѣсняется городскимъ. Бусъ замѣтно мало. Обыкновенно носятъ четки. Лентъ на бусахъ носятъ очень мало, причемъ преобладаютъ бѣлыя ленты.

Въ праздникъ, идя въ церковь, одѣваютъ (впрочемъ замѣтилъ я у многихъ) вѣнки, причемъ кладутъ ихъ выше косъ внутри коронки изъ косъ, а не вокругъ ея. Иногда просто затыкаютъ цвѣты въ видѣ вѣнка за коронку, образуемую косами. Женщины большею частью ходятъ босыя, даже въ праздникъ нерѣдко, тогда какъ мужчины обыкновенно въ какой-либо обуви.

Въ церковь въ праздничный день и дѣвицы, и женщины безъ различія возраста обыкновенно являются съ небольшими букетами въ рукахъ; среди другихъ цвѣтовъ непременно въ букетикѣ есть рута, а у многихъ и Божье дерево (*Dieumedis*).

Въ день Успенія Пр. Богородицы, называемый въ народѣ *Žoliniai* (*Žole*—зелень) всѣ женщины (также безъ различія) приходятъ къ обѣднѣ съ разными овощами въ рукахъ.

Къ своимъ наблюденіямъ прибавлю еще немного о женскихъ украшеніяхъ со словъ одного учителя начальной школы.

1) *Rakalke*—дѣлается изъ толстой бумаги въ видѣ кольца шириною дюйма въ 4; около этого кольца обводится шелковая лента какого угодно цвѣта, шире бумажнаго кольца, и края ленты заггибаются внутрь, такъ чтобы не было видно бумаги. *Rakalke* надѣваютъ на голову вокругъ косъ, украшая ее при этомъ рутой и другими цвѣтами. *Rakalke* украшеніе только дѣвушекъ, которыя еще не лишились права на рутый вѣнокъ, не *patrotijo ruti vainikelio*. Въ настоящее время *rakalke* почти вышла изъ употребленія. Когда дѣвицы носили *rakalke*, то носили и по буднямъ вмѣсто платка. Платокъ надѣвали только зимой поверхъ *rakalke*. Теперь же всѣ ходятъ въ платкахъ и лѣтомъ.

2) Galionas (галунъ?) тоже, что и rakalke; только здѣсь вмѣсто шелковой ленты серебряная или золотая ткань. Galionas до сихъ поръ еще употребляется въ день бракосочетанія (это я самъ нынче видѣлъ на бѣдной невѣстѣ-батрачкѣ), при чемъ его надѣваютъ также и подруги невѣсты. Но богатые литовки въ настоящее время не надѣваютъ galionas на свадьбахъ.

3) Ravgivej или bindolikai дѣлаютъ изъ бѣлыхъ кружевъ и навязываютъ подъ платкомъ около себя, такъ чтобъ они были видны изъ подъ платка. Лѣтъ тридцать назадъ всѣ бы пальцами стали показывать на замуженную женщину или вдову, рѣшившуюся пріѣхать на храмовой праздникъ (atpuskas) безъ ravgivei, и на дѣвицу безъ rakalke. Теперь ravgivei еще употребляютъ свахи на свадьбахъ, а также въ ravgivej убираютъ невѣсту послѣ бракосочетанія.

Остатковъ языческихъ вѣрованій мнѣ удалось найти немного. Старинными духовенства они искореняются все болѣе и болѣе. Ни одинъ крестьянинъ не станетъ говорить напр. о лауме и т. п., не оговорившись, что теперь ничего этого нѣтъ, что все это было лишь во времена поганства Литвы. Приведу здѣсь то немногое, что удалось мнѣ узнать о Перкунѣ, дейвахъ, лауме, раганѣ, айтварѣ и пр.

О Перкунѣ.

Perkunas linksmina—Перкунасъ веселитъ (можетъ быть въ переходномъ значеніи веселится?) говорятъ, когда гремитъ громъ. Kasi radanges kila, tam Perkunas liepe grišt—кто на поднебесье поднимается, тому Перкунъ велитъ вернуться, говоритъ пословица. Самое сильное проклятіе у Литовцевъ «kad tavia Perkunas užmuštu», т. е. «чтобъ тебя Перкунъ убилъ!»

Перкунъ преслѣдуетъ чертей (miša vialnius—бьетъ, ударяетъ въ чертей, убиваетъ ихъ) и такимъ образомъ является какъ бы другомъ людей. Черти стараются отъ него спрятаться, бѣгутъ къ людямъ въ избы, въ церкви, подъ какою либо крестъ¹⁾, обращаются въ животныхъ. Въ пѣтуха лишь не могутъ они обращаться, а потому и Перкунъ никогда не ударяетъ въ пѣтуха.

Kulka Perkuno—пуля Перкуна—это обломокъ каменной вещи, какъ напр. обломокъ каменнаго топорика, найденный въ д. Кетурвлокахъ Волковышскаго уѣзда и находящійся теперь у меня. Такіе обломки, а иногда цѣльныя

¹⁾ Въ Литвѣ ставятъ очень часто кресты при дорогѣ (въ особ. на перекресткахъ) съ изображеніемъ Распятія (miša) или какими-нибудь другими фигурами религіознаго характера, рѣзанными изъ дерева деревенскими художниками.

венцы изъ камня нерѣдко находятъ въ Литвѣ. По вѣрованію литовцевъ такая *kulka* при ударѣ грома падаетъ съ неба и уходитъ въ землю на глубину удвѣятого человеческого роста—*per 9 stūmenius gilio*. Потомъ она въ теченіи 9 лѣтъ поднимается наверхъ, каждый годъ на высоту роста одного человѣка. *Per kupo kulka* очень помогаетъ отъ всякой боли: стоитъ только потереть ею больное мѣсто—и боль проходитъ. Эти кулки бросаютъ въ чертей свв. Петръ и Павелъ. Они всегда оба гонятъ чертей *per žegeną* (сквозь шеренгу, м. б. = сквозь строй?), а св. Яковъ погоняетъ (*pravaigėje*).

Объ айтварѣ.

Aitvaras (у Куршата *aitvaras*) сверхъестественное существо, живущее въ домахъ, соответствуетъ русскому домовому отчасти.

Айтвара высматриваетъ семилѣтній пѣтухъ изъ яйца, снесеннаго имъ же въ томъ же году, въ теченіи 7 недѣль. Когда айтваръ выйдетъ изъ яйца, его надо кормить творогомъ и яичницей; а чтобы онъ носилъ деньги въ домъ, надо *i kraiga indet tuščia stiabulia*—въ конекъ крыши вдѣлать пустую ступицу отъ колеса, черезъ которую онъ насыпаетъ полную избу денегъ. Когда онъ носитъ деньги, его надо хорошо кормить и остерегаться разсердиться, потому что иначе онъ все деньги обратитъ въ черепки и избу сожжетъ. Отсюда поговорка *turiu kaip aitvaras pinigų: galiu užmušt ir užmoket*—«у меня денегъ какъ у айтвара: могу забить и заплатить».

Айтваръ бываетъ похожъ на маленькаго человѣчка, съ длинными ногтями. Является также въ видѣ разныхъ животныхъ.

Съ одного мѣста на другое айтваръ перелетаетъ въ видѣ блуждающаго огонька. По словамъ другого *lekentis aitvaras išrodo ant liepsninio smaigo*, т. е. «летающій айтваръ кажется огненною палочкой».

О дѣйве.

При рожденіи ребенка около женщины въ ожиданіи этого собираются сверхъестественныя существа, такъ называемыя *deives* (ед. ч. *deive*). Число ихъ неограниченное, по словамъ рассказывавшихъ мнѣ крестьянъ. Повидимому это существа женскаго пола, какъ показываетъ и ихъ грамматическій родъ. Эти *deives* наперерывъ предсказываютъ будущность, хорошую или дурную, ожидающемуся ребенку. При словахъ которой дитя родится, той предсказаніе и исполнится.

Въ одной сказкѣ говорится, какъ 2 дѣйве погнались на болотѣ за телѣгой, и тянулись за ней по обѣ стороны въ видѣ двухъ бѣлыхъ фигуръ, провожая до самаго дома.

Дейве колотятъ бѣлье вальками на рѣчку послѣ заката солнца. Поэтому въ Литвѣ не принято ходить на рѣчку бѣлье полоскать послѣ заката. Если какая нибудь дѣвушка пойдетъ, противъ обычая, на рѣчку съ бѣльемъ послѣ заката, то явятся дейве и отнимутъ бѣлье.

О лауме всё говорили только, что это такое же сверхъестественное существо, какъ и дейве. Большаго мнѣ не могли сказать о ней.

Raġana—прежде всего не сверхъестественное существо, а человѣкъ, именно же, баба и вполне соответствуетъ русской вѣдьмѣ. Между тѣмъ какъ о дейве и лауме говорятъ, что теперь ихъ нѣтъ уже, что они существовали только во времена язычества въ Литвѣ, «когда Литва была еще поганой», въ существованіе раганъ и въ ихъ могущество вѣрятъ и теперь.

Черты у литовцевъ какъ и у русскихъ, имѣетъ много названій. Мнѣ извѣстны пока слѣдующія: *vialnes, pikulas, kipšas, kialmas, ants, biznius, bigis, vienšniurkšlis, smailakulnis, balinis, jūdasis, čiartas, diablas, nedoras, aniūlas, prakeaiktašis, ledokas, pikta dvazė, lipicierius* (люциферъ), *belčėbulas* (вельзевулъ), также *aitvaras, smakas* (драконъ, смокъ).

Въ старину, говорятъ, черти являлись на свадьбы и танцовали съ дѣвцами. У дѣвицъ послѣ этого оставались сныки на тѣлѣ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Обыкновенно черти пріѣзжали одѣтыми по-пански на прекрасныхъ коняхъ и одаривали пирогами, табакерками и другими вещами. Въ полночь они исчезали, а кони ихъ превращались въ хворостъ, пироги въ конскій гной, табакерки въ конскія копыта. Опытные люди узнавали ихъ, потому что у чертей бываетъ по одной ноздрѣ, откуда и прозвище ихъ *vienšniurkšlis*. Черта человѣку можно убить только серебряными пулями.

Упомяну здѣсь объ одномъ уже не соблюдающемся обычаѣ. Въ настоящее время лишь въ шутку приглашаютъ гостя, входящаго въ домъ въ первый разъ, поцѣловать печь—*rabuciūt piaciū*. Исполненія этого не требуютъ ни отъ кого. Я самъ былъ свидѣтелемъ этого много разъ.

На всемъ томъ пространствѣ, какое мнѣ удалось проѣхать, не замѣчается большаго различія въ говорахъ. Всѣ эти говоры въ то же время мало отличаются отъ говоровъ Сувалк. губ., описанныхъ В Миллеромъ и Фортунатовымъ (Людвиновскій говоръ) и Бругманномъ (Годлевскій или Гарлевскій говоръ, употребляющіе который называются *Garliauckiniai*).

Въ говорѣ Гижевской гмины *e* (обознач. Шлейхеромъ и Куршатовъ черезъ простое *e*) въ началѣ словъ произносится, какъ русс. *a*: *agelis* вм. *egelis*, *ašim* вм. *eišime*; въ срединѣ и въ концѣ словъ, какъ русс. *я* (безъ ютаци) въ ударяемыхъ слогахъ и какъ звукъ, колеблющійся между *я* и *e* въ неударяемыхъ (т. е. почти какъ удар. *я* въ нашемъ литературномъ яз., напр. въ словахъ дитяtko, тяжелый, серебряный и т. п.). Послѣ зубныхъ

это *e* иногда произносится почти, какъ *a*, напр. въ словахъ *udega*, *teka* слоги *de* и *te* произнос. почти *da* и *ta*, вѣрнѣе какъ *d'a* и *t'a*: *vûad'aga*, *t'aka*: *e* долгое (обознач. Шлейх. и Курш. черезъ *e*) въ началѣ и въ серединѣ слова подъ удареніемъ произносится, какъ русс. *e*, а внѣ ударенія почти какъ русс. *ей* или *ій*. Напр. *tevas* = тева^с, но *vêlû* = вейл^у или *vîjû*. Въ концѣ слова это *e* произносится почти, какъ русс. *и*, и въ этомъ случаѣ произношеніе его колеблется между *e* и *и* нерѣдко даже въ ударяемыхъ слогахъ.

Вообще же о звукѣ *e* надо замѣтить, что онъ никогда не произносится твердо, напр., какъ нѣмецк. *e* въ *sehr*, *der*, *Vater*, *Zehn*, *Menge* и т. п. или польское *e* въ *teraz*, *serce*, *datemnie*, *zaropnialem* и т. п. Звукъ, обозначаемый Шлейхеромъ черезъ *ë*, а Куршатамъ черезъ *ie*, произносятся довольно отчетливо, какъ надо было бы произнести русс. *йë*, или *йя*, или *éя*, при чемъ вторую изъ этихъ гласныхъ (*ë*, *я*) слѣдовало бы произносить быстрѣе, чѣмъ первую (сравни. быстроту произношенія русскаго *й*) и, разумѣется безъ ютаціи. Звукъ, обозначаемый обыкновенно черезъ *и* произносятся, какъ русс. *ÿâ*, при чемъ тоже вторую гласную надо бы было произнести быстрѣе, чѣмъ первую, совсѣмъ кратко. Какъ въ *ie*, такъ и въ *и* составныя части, т. е. звуки *i* и *e*, *y* и *a*, сливаются въ произношеніи почти неудовимо ни для уха, ни для органа произношенія русскаго человѣка. Тѣмъ не менѣе всякій литовець изъ той мѣстности замѣтитъ и поправитъ, если произнесешь совсѣмъ слитно, т. е. вм. *ie*—*e*, а вм. *и*—*o*. Оба составныхъ гласныхъ въ *и*—*y* и *a*, вполне ясно слышны только въ односложныхъ словахъ, напр. въ тв. п. ед. ч. мѣстоименія *tas*—*tû* = туа, въ особ. если оно стоитъ въ концѣ предложенія и подъ логическимъ удареніемъ. Слово *si* (собака) подходит подъ это же правило, т. е. произн. шуа, но часто также и шува, какъ въ говорахъ Гарлевскомъ и Людвиновскомъ. Являющееся въ немъ *e* обыкновенно также приставляется, если слово начинается съ *и*. Напр. *ûdas*, *ûdega* произносятся вûдае, вûд'ага. *o* произносится глухо, а въ неударяемыхъ слогахъ совсѣмъ, какъ русс. *y*: р. ед. *âklio* = арклю, *balno* = балну, им. мн. *mérgos* = мергус. *и* долгое (обозн. Шлейх. и Курш. черезъ *y*) произносится почти въ двое протяжнѣе, чѣмъ краткое *и* (*i*). Звука *и*—нѣтъ. Носовыхъ тоже уже не существуетъ. Звуки *ш*, *ч* бываютъ и твердыми и мягкими: *žuvis* = жувис, и *žiugis* = жюри *Л.* бываетъ или твердымъ или мягкимъ, смотря по положенію *balnas* = балнас, *balnelis* = бальнялис. (Подробн. см. у В. Милл. и Форт. или у Бругм.).

л, *р* и *н* иногда слышны почти, какъ сонанты, особенно въ пѣніи. Напримѣръ *balnas* иногда почти = балнас, *šiułbejo* почти = чюльбежо или чюльлибежо.

д и *т*—передъ мягкими гласными нѣсколько тверже, чѣмъ въ русскомъ языкѣ и мягче, чѣмъ въ нѣмецкомъ языкѣ.

На концѣ всѣ согласные тверды всегда.

Придыхательные (*ф*, *х*) существуютъ только въ заимствованныхъ словахъ, какъ напримѣръ *furmonka* (*Fuhrmann*), *familija* (семейство), *chiba* (польское *chuba*) и т. д., но и въ нихъ охотно замѣняются твердыми. Такъ вмѣсто *furmonka* говорятъ также *rugmonka* и *kugmonka*, *kiba* вмѣсто *chiba*, *kwogoba* вмѣсто *chwoqoba* и т. д. При сочетаніи звуковъ, какъ гласныхъ, такъ и согласныхъ, наблюдаются всѣ тѣ законы, которые очень точно отмѣтилъ Бругманъ въ описаніи Гарлевскаго говора. То же я долженъ сказать о формахъ склоненія и спряженія. Отмѣчу здѣсь развѣ только то, что двойственное число почти совсѣмъ утрачено; даже при числительномъ два обыкновенно ставится не двойственное, а множественное число. Ничтожные остатки его находимъ въ формахъ мѣстоименія (*midu* и т. п.) и въ глагольной формѣ *eiva* (идемъ!). Звательный падежъ вообще сохранился. Но отъ *ropas* вмѣсто зательнаго употребляется именит. пад. *ropas*, *rops* или даже только *rop*. Отъ *arkliukas*, *dedukas* звательный падежъ *arkliuk*, *deduk*.

а въ окончаніи именительнаго падежа единственнаго числа словъ на *ас* или выпадаетъ, или остается. И то, и другое бываетъ одинаково часто и при томъ безъ тѣхъ ограниченій, какія даетъ Куршатъ.

terp—произносить *терп*.

jis—*јис*, а не *ис*, какъ въ Людвиговскомъ говорѣ (по свидѣтельству В. Миллера и Фортунатова).

есмь—*asu* или *aosiu*

есть—*igà* или *ig*

нѣтъ—*pègà* или *pèg*

бываетъ—*bupa*

Предлогъ въ обыкновенно *i* (безъ носоваго оттѣнка), но также нерѣдко *ip* или даже *int*. *Int* является еще въ видѣ приставки въ глаголѣ *int-eina* (онъ входитъ). Союзъ *и* только *ig*; надъ употребляющими *bei*—смѣются.

Надъ говорящими *da g* вмѣсто *dabag* (=теперь) смѣются и называютъ ихъ *dartinicaì*. (Такъ говорятъ между прочимъ вблизи Маріамполя).

Въ заключеніе упомяну два прозвища, какими надѣляютъ гижевцевъ и говорящихъ однимъ съ ними говоромъ жителей средней и восточной части Волковышскаго уѣзда, такъ называемыхъ *Vilkaviškeci*, ихъ сосѣди съ сѣвера и съ юга: *karzai* и *gugai*. Капсами называютъ ихъ жители Владиславовскаго уѣзда за то, что они говорятъ *kap* и *terp* вмѣсто *kaip* и *teip*. (Впрочемъ я и среди гижевцевъ не разъ слышалъ и *kaip*, и *teip*. Такъ между прочимъ по большей части выговаривалъ гижевскій крестьянинъ, рассказывавшій мнѣ сказки).